

11 АПР 1978

— СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ющегося советского режиссера, актера, педагога и театрального деятеля Алексея Дмитриевича Попова, он учит любить искусство в себе, а не себя в искусстве. Так, как делает это он сам. Всю жизнь.

Прошло пять лет после встречи А. Попова со своими первыми учениками. Настало время расставаться. С присущей ему скромностью он сказал: «Я вместе с вами закончил режиссерский факультет, я многому научился. Вы для меня родные дети, я люблю вас, — и, подумав, добавил: — Я рассчитываю на вас в дальнейшей жизни...»

Конечно, он не предполагал тогда, что не пройдет и пяти лет, и он позовет их, когда примет художественное руководство Московским драматическим театром им. К. С. Станиславского. Они, три его ученика, пришли по первому его зову, и теперь — уже действительно как коллеги — начали работу в театре.

А в ГИТИСе уже подрастают ученики А. Попова с актерского факультета, и И. Райхельгауз, и Б. Морозов преподают им актерское мастерство, и все вместе они мечтают о наборе нового экспериментального курса.

Пока же третьекурсники А. Попова выступают и репетируют в его театре, А. Васильев поставил в традициях психологического театра первый вариант «Вассы Железновой». Дерево, посаженное

Богомолова и жестокого, властолюбивого Ивана Грозного в трагедии А. К. Толстого.

«Кого бы я ни играл, в каком бы ключе ни был написан образ, я стремлюсь показать прежде всего человека, быть максимально убедительным. Ведь только тогда я смогу приблизиться к своей сверхзадаче, ради которой я, собственно говоря, и тружусь в искусстве, — помочь человеку жить», — сказал как-то А. Попов.

Ему удастся в лучших своих работах настолько внутренне наполнять образы, что для зрителей они становятся событиями в жизни, вызывающими желание оглядеться, подумать, что-то пересмотреть в себе. Для этого мало одного мастерства — самого совершенного, изысканного, мало пластичности, богатства интонаций, выверенности каждого жеста. «Надо сыграть на инструменте, который внутри, в себе. Надо, чтобы в каждой роли были другие глаза и чтобы каждый раз они не притворялись, а говорили всю правду».

Об этих словах Андрея Алексеевича думается, когда начинаешь мысленно перебирать его роли. Такая достоверность образа, чтобы он, отделившись от артиста, зажил как бы самостоятельной жизнью, — большая удача даже крупных мастеров.

Когда смотришь артиста в роли Тургенева, забываешь о том, что это Попов — такой заметный, видный. Возможно, и даже скорее всего он не был таким, как воссоздает его артист, но веришь, что Тургенева были именно такие: голос, походка, взгляд, манера держаться. Веришь его сомнениям, любви к двум женщинам, тоске по родине и невозможности жить там.

Примечательно, что Попов создает не оживший портрет, а показывает живого человека в обстоятельствах жизни великого русского писателя, доносит его страсть, муки, поэтичность натуры. И как-то особенно проникновенно звучат его слова: «Важно, чтобы только был свой голос...» Я думаю, они сокровенны и для артиста.

«Свой голос» для артиста, который перевоплощается, уходит от себя, есть ли он? Есть. Это гражданская и эстетическая позиция художника. У А. Попова она четкая: он отстаивает высокую духовность человека, светлые идеалы. Как бы ни была сложна, драматична жизнь его героев — мятущегося, одновременно великого и слабого Галилея в драме Брехта, доброго и ни на что не способного председателя земской управы Лебедева из чеховского «Иванова», он всегда оставляет людям надежду, улыбку, веру в истину. Он любит человека и, показывая его слабость, падения, боли, то есть раскрывая во всей подлинности, всегда подчеркивает то прекрасное, чем живы люди, и тем самым как бы зовет быть лучше, честнее.

Андрею Алексеевичу Попову исполняется шестьдесят лет. В таких случаях говорят: ему немало лет, он много сделал, но молод в душе. Я бы сказала: он молод в своем деле. Он молод со своими учениками: я видела, как на выпускном курсовом спектакле он, обычно сдержанный, немного замкнутый, словно погруженный в свои мысли, весь преобразился, посветлел, как заблестели его глаза, в них было столько волнения, заинтересованности, любви к своим «птенцам», что, глядя на них, он будто старался влить в их сердца энергию, волю, силу.

А как по-молодому он взялся за организацию театра им. К. С. Станиславского.

Он молод в своих актерских произведениях, которые он сейчас так выпукло, заметно создает на сцене МХАТа. Он увлечен ролью в комедии А. Соколовой «Эльдорадо».

Накануне спектакля, когда мы говорили с Андреем Алексеевичем о самом существе в работе актера, режиссера, он сказал, что главное — не замыкаться в профессию, быть всегда в жизни. И когда на следующий день я увидела бунт его героя против духовного застоя, разрушающего живую ткань творчества, поняла, как близки оказались мысли артиста и его героя. Он, видимо, и сам постоянно думает об этом, стараясь в своих многочисленных делах — любимых, желанных — не оторваться тем не менее от живительных соков реальности. А Попову отрыв не грозит. К нему может прийти юноша, желающий стать артистом, и предложить пересмотреть его в роли Ивана Грозного, и он — крупный мастер, великолепно сыгравший эту роль, — с интересом согласится. И интерес его будет неподделен. Он ищет таланты, умеет им радоваться.

А. Попов рассказывает о себе не очень охотно. Не из ложной скромности. Это закрытость художника, который умеет создавать, но не особенно может, да и, честно говоря, не хочет пересказывать сокровенные моменты своего творчества. Да это и не нужно. Ведь основная задача художника — помочь людям. Андрей Алексеевич Попов помогает. И в жизни, и в искусстве.

● Народный артист СССР А. Попов.

люди искусства

ПОМОГАЯ
ЧЕЛОВЕКУ
ЖИТЬ

Светлана САМСОНОВА

Почти десять лет тому назад в небольшую аудиторию Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского легкой походкой вошел высокий красивый человек. Студенты-первокурсники режиссерского факультета с любопытством разглядывали знаменитого артиста, припоминали многочисленные фильмы и спектакли с его участием.

Андрей Алексеевич Попов поздоровался, представился, сел. Наступила напряженная пауза. Он волновался. Это было не то возбуждающее волнение перед выходом на сцену, которое обычно переживалось в жизни создаваемого образа. Не было ни зрителей, ни роли. Предстоял от сердца к сердцу серьезный разговор. С чего начать?

«Я не педагог. Как режиссер поставил несколько спектаклей. Я актер и кое-что умею. Попробуем работать, не получится — разойдемся. Давайте общаться как коллеги».

Этот принцип взаимоотношений с учениками Андрей Алексеевич Попов бережно несет через все годы своей педагогической работы. Несет не как нечто заданное, он вытекает из его человеческой и актерской сущности. Чрезвычайно деликатный, он органически не может навязывать своей точки зрения. Его ученики рассказывают, что он никогда не требует — делаете так, не стремитесь подчинить их своей воле. Он создает атмосферу полной свободы, раскованности, давая возможность проявиться тому сокровенному, что при благоприятных условиях может произрасти в таланте.

Он учит, а не поучает. Уважая других, глубоко интересуясь каждым, он воспитывает интерес и уважение к человеку, к актеру, которому режиссер призван, как он считает, помочь в первую очередь. Он учит, не щадя таланта, времени, сил, отдавая себя щедро, предлагая, советуя. И его ученики идут за ним, верят в него, любят.

Его режиссерский курс расцвел талантами. Многие были приглашены работать в столичные театры. И не просто приглашены — они активно включились в театральную жизнь, делая спектакль за спектаклем. Шестнадцать постановок сделал на сцене Центрального академического театра Советской Армии Б. Морозов, по несколько спектаклей выпустили И. Райхельгауз в «Современники» и А. Васильев во МХАТе. Интересно работает на родине башкир Р. Исрафилов.

Можно в отдельности рассказать об успехах каждого воспитанника режиссерской мастерской А. Попова. Они проявили себя многообразно, всегда сохраняя главное, что привил им учитель: верность реализму, высокие идеалы ответственности за театр, как дело не личное, а общественное.

Следуя прекрасным традициям Художественного театра, впитанным им самим с первых уроков отца — выда-

десять лет назад, разрозлось.

Андрей Алексеевич Попов — народный артист СССР, профессор. Он вырос в очень благотворной атмосфере театральной семьи, где ему был привит безупречный вкус в искусстве и воспитаны высокие эстетические и этические принципы. Он с юных лет жил и дышал театром, видел Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда, Качалова и многих других. Большое духовное богатство он принял от своего отца, как принял потом долгие годы возглавляемый Алексеем Дмитриевичем Театр Советской Армии.

У него была, конечно, великолепная «взлетная площадка», но и с таких площадок большую высоту набирали немногие. Попов набрал, и в этом уже его собственная заслуга, результат не только его природного таланта, но и волевых качеств. Он очень трудолюбив, дисциплинирован, и каждое его завоевание в искусстве давалось огромной работой.

Он начал как актер комедийного плана, шел от внешней характеристики, неожиданного сценического решения. Он великолепно сыграл Хлестакова, блеснул в роли поручика Ржевского в «Давным-давно», Петруччо в «Укрощении строптивой». Многим он запомнился в фильме «Шведская спичка» по А. П. Чехову.

Потом пришли другие роли, романтического и драматического плана, ему стал доступен широкий диапазон — от задушевной лирики до глубокой трагедии, но пристрастие к тонкому юмору и яркой характерности никогда его не покидает.

«Артист без юмора никогда не сможет сыграть трагической роли, — считает Андрей Алексеевич, — потому что создание каждого жизненно достоверного образа в трагедии или комедии требует полифонии красок». Сам он выстраивает роль постепенно, стремясь найти разные, даже полярные оттенки, не торопится выйти к конечному решению.

Так, годами играя роль Войничного, он продолжал работать над ней, создавая чрезвычайно обаятельный образ честного русского интеллигента начала века. Его дядя Ваня бывает смешон, порой беспомощен, даже жалок, но он же способен на сильные, неожиданно яркие поступки.

Он ставил разные спектакли, такие, как «Неизвестный солдат» А. Рыбакова и «Камешки на ладони» А. Салынского, романтическую драму «Ночью без звезд» А. Штейна и сказку «Солдат и Ева» Е. Борисовой. Он играл людей, живших в разные времена, принадлежавших к различным социальным пластам. Взял хотя бы его короли, а он снялся почти в сорока фильмах. — Челкаш и хирург Крымов в «Повести о человеческом сердце». И вот отец Серафим из кинофильма «Все остается людям» в великолепном дуэте с Н. Черкасовым. А в театре воспоминаний доброго, щедрого Якова